

Трепет летней ночи витал в воздухе, подобно степному пожару: достаточно крошечной искры, чтобы пламя стало неуправляемым. Чэн Цзайе вдыхал запах Цзян Шоуяня, ощущая аромат вишнёвого ликёра на его губах. Раньше он и не подозревал, что такой лёгкий хмель может быть настолько соблазнительным. Закрыв глаза, он целовал человека в своих объятиях снова и снова. Горячее дыхание касалось губ, кончика носа и бровей Цзян Шоуяня, словно он хотел оставить метку на каждом сантиметре его лица. Но это обладание не унимало волнения Чэн Цзайе: сдавленное дыхание только сильнее распалило его. Он открыл глаза и встретился с Цзян Шоуянем взглядом. Тусклый свет отражался в его угольно-чёрных глазах — спокойных, но пробирающих до дрожи.

— Не смотри так, — хрипло прошептал Чэн Цзайе, накрывая его глаза ладонью. — Не смотри.

Даже в таком состоянии он не собирался испытывать границы дозволенного Цзян Шоуянем. Он не позволил себе ничего лишнего, просто благопристойно обнимал его, словно во время обычного утреннего поцелуя. И это при том, что в голове он неконтролируемо прокручивал воспоминания о том, как Цзян Шоуянь напился в первый раз, когда порозовели даже суставы его пальцев.

Цзян Шоуянь моргнул в наступившей темноте, его ресницы слегка пощекотали ладонь Чэн Цзайе, и он почувствовал, как рука того едва заметно дрогнула. Между ними сгущалась двусмысленность момента. Голень Цзян Шоуяня, лежавшая у бедра Чэн Цзайе, медленно скользнула вверх вдоль линии его талии. В голове Чэн Цзайе словно что-то взорвалось. Его горячая ладонь перехватила лодыжку Цзян Шоуяня, но прикосновение к прохладной коже лишь сильнее распалило воображение. Он застыл в нерешительности, шея покраснела от напряжения, и он обиженно проговорил:

— Перестань меня дразнить, не дразни.

Цзян Шоуянь вскинул бровь:

— А я и не говорил «нет».

Чэн Цзайе тихо сказал:

— Я не могу, — пробормотал он, повторяя: — Это я не могу.

Цзян Шоуяню это показалось забавным, и он с дразнящей интонацией спросил:

— И что же именно ты «не можешь»?

Осознав двусмысленность фразы, Чэн Цзайе залился краской:

— Я не в том смысле...

Цзян Шоуянь подумал, что Чэн Цзайе соткан из противоречий: иногда он был настолько прямолинеен, что это сбивало с ног, а иногда так невинен, что таяло сердце.

— Цзян Шоуянь, ты пьян, — выдал наконец Чэн Цзайе после долгой паузы.

Цзян Шоуянь убрал ногу, упёрся подбородком в колено и возразил:

— Я не пьян.

Он смотрел снизу вверх. Чэн Цзайе протянул руку, нежно погладил покрасневшие уголки его глаз и сказал:

— Но я буду чувствовать себя так, будто воспользовался твоим состоянием.

Цзян Шоуянь замер.

— Я не хочу делать это с тобой, пока ты не совсем трезв... — Чэн Цзайе снова придвинулся, обнял его и потёрся лицом о его шею. — Это было бы неуважением к тебе.

Сквозь щель в окне просочился ветерок, немного разгоняя липкий жар. Цзян Шоуянь увидел, как лампочка у стены покачнулась от ветра и бабочки на стене едва заметно взмахнули крыльями. Цзян Шоуянь спросил:

— А ты сам трезв?

Чэн Цзайе не сразу нашёл с ответом. Цзян Шоуянь не стал дожидаться слов. Он чувствовал то, что упиралось в него, обжигая даже через два слоя ткани, — раз у парня хватало сил так сдерживаться, значит, его рассудок точно не помутился.

Чэн Цзайе резко напрягся и, уткнувшись ему в шею, тяжело и часто дышал. Пальцы Цзян Шоуяня были прохладными и мягкими, делая более ощутимым жар чужого тела. Чэн Цзайе, не в силах сдержаться, подался вперёд, а когда напряжение достигло пика, намертво вцепился в Цзян Шоуяня. Его лоб был мокрым от пота, он снова и снова шептал на ухо Цзян Шоуяню: «Ты мне нравишься, как же сильно ты мне нравишься». От влажного дыхания у Цзян Шоуяня щекотало ухо. Он отстранился и, повернув голову, с улыбкой сказал:

— Иди за салфетками.

Цзян Шоуянь лениво прислонился к изножью кровати. Чэн Цзайе, опустив глаза, очень старательно вытер каждый его палец, а затем поцеловал костяшки.

— Давай я помогу тебе, — опустив голову, предложил Чэн Цзайе. — Я тоже тебе помогу.

На самом деле, Цзян Шоуянь не горел особым желанием, но не успел он опомниться, как его пальцы зарылись во вьющиеся волосы Чэн Цзайе, а дыхание мгновенно сбилось.

Снаружи ночь укрывала землю, и в бескрайних травах отражалась бездна звёздного неба. А в комнате белые искры звёзд окропили уголок губ Чэн Цзайе. Он тихо рассмеялся и под затуманенным взглядом Цзян Шоуяня медленно облизал их.

На следующий день Цзян Шоуяня разбудило пение птиц в лесу. Он сел, опираясь на изголовье, и помассировал виски, прогоняя остатки вчерашнего хмеля. Взгляд нечаянно упал на стену с бабочками. Опустив глаза ниже, он обнаружил, что пушистый ковёр у изножья кровати куда-то исчез, а деревянный пол выглядит непривычно пустым.

Мозг Цзян Шоуяня заработал, воскрешая в памяти финал вчерашнего вечера: они лежали на ковре, крепко обнимая друг друга. Окна были плотно закрыты, горела лишь тусклая кемпинговая лампа. Тёплый жёлтый свет окутывал их, оба покрылись испариной от жары, но никто не собирался разжимать объятия. Так продолжалось до тех пор, пока у Чэн Цзайе не заурчало в животе — совершенно не к месту. Под сдавленный смех Цзян Шоуяня он признался, что голоден.

Потом Чэн Цзайе спустился вниз готовить. Перед выходом он хотел включить в комнате свет, но Цзян Шоуянь остановил его. Он сидел, прислонившись к изножью кровати, с тонкой сигаретой в пальцах, и сквозь струйки дыма задумчиво смотрел на порхающих перед ним бабочек.

Может быть, потому, что он только что вспотел, а может, из-за невиданного ранее опыта, полученного с Чэн Цзайе, он чувствовал невероятную лёгкость. И в этой лёгкости он осознал, как трезво и осознанно падает в бездну чувств. Он подумал, что, пожалуй, никогда в жизни не забудет это лето. Начиная с той самой встречи на пляже, когда он увидел эти золотисто-карие глаза. И с каждым днём воспоминания становились всё ярче.

Сегодня Цзян Шоуянь проснулся рано и застал Чэн Цзайе в ванной — тот брился перед

зеркалом.

— Так рано? — спросил Чэн Цзайе с пеной на лице, оглянувшись на прислонившегося к дверному косяку Цзян Шоуяня.

Цзян Шоуянь лениво зевнул в лучах утреннего солнца и спросил:

— Помощь нужна?

Чэн Цзайе улыбнулся и протянул ему бритву. Цзян Шоуянь взял салфетку и вытер лишнюю пену с его лица. Щетина у Чэн Цзайе росла быстрее, чем у Цзян Шоуяня, тёмные жёсткие волоски всегда кололись.

— Опусть голову немного ниже, — сказал Цзян Шоуянь, прикидывая, как удобнее взять опасную бритву.

Чэн Цзайе пригнулся, глядя на Цзян Шоуяня снизу вверх.

— Не настолько низко.

Чэн Цзайе поцеловал его и сказал:

— Доброе утро, Цзян Шоуянь.

Цзян Шоуянь с серьёзным видом поддержал его лицо рукой:

— Если будешь дергаться, оставлю тебе боевой шрам.

Хоть он и сказал это, движения его были предельно нежными: одной рукой он натягивал кожу Чэн Цзайе, а другой осторожно вёл лезвием по направлению роста волос. Чэн Цзайе, продолжая смотреть на него, заметил:

— Цзян Шоуянь, твои волосы отросли. — Он поднял руку и убрал чёлку, падавшую Цзян Шоуяню на глаза: — Давай я тебя потом немного подстригу.

— А если получится криво? — Цзян Шоуянь пальцами сжал его подбородок, поворачивая лицо в сторону.

— Не получится, у меня лёгкая рука.

Цзян Шоуянь бросил на него быстрый взгляд:

— А у меня, значит, нет?

Чэн Цзайе поперхнулся. Он почему-то сразу понял, что речь идёт вовсе не о навыке бриться.

— Не дразни меня, — Чэн Цзайе послушно поднял лицо вслед за движением его пальцев, подставляя подбородок под бритву. — Утро же, ещё не улеглось.

Цзян Шоуянь провёл подушечкой по его гладкой щеке и, убедившись, что колючих мест не осталось, оторвал салфетку, чтобы вытереть остатки пены.

— Готово.

Когда он повернулся, чтобы вымыть руки, Чэн Цзайе обнял его сзади и потёрся свежесбранным подбородком о его шею.

— А как насчёт меня? Ты доволен?

Цзян Шоуянь стряхнул воду с рук, притворяясь, что не понимает:

— Доволен чем?

Чэн Цзайе крепче сжал объятия и, ничуть не смущаясь, уже собирался произнести это слово вслух, но Цзян Шоуянь вовремя накрыл его губы ладонью. Хотя он и знал, что Чэн Цзайе вырос в свободной среде, пока столь прямые разговоры на китайском были для него непривычны.

Чэн Цзайе помолчал немного, дождался, пока Цзян Шоуянь вымоет бритву и аккуратно уберёт её в футляр, а затем снова спросил:

— Кто-нибудь делал это для тебя раньше? Было лучше, чем со мной?

В конце концов, Цзян Шоуяню было уже почти тридцать, и некоторые темы его уже не так сильно смущали.

— Я думал, моя вчерашняя реакция была достаточно красноречивой.

Чэн Цзайе рассмеялся, развернул Цзян Шоуяня в своих объятиях и подтолкнул его к выходу:

— Давай я тебя подстригу.

В итоге из-за нехватки инструментов полноценную стрижку сделать не удалось — Чэн Цзайе лишь подровнял чёлку, чтобы она не лезла в глаза. У Цзян Шоуяня были очень чёрные брови и глаза, и длинные, слегка опущенные вниз, прикрывающие взгляд ресницы, из-за чего без эмоций на лице он казался холодным. Чэн Цзайе был другим: его ресницы были чётко очерчены, густые и загнутые вверх. Когда он смотрел на кого-то с улыбкой, отказать ему было решительно невозможно. Цзян Шоуянь невольно задумался: как он вообще умудрился тогда удержаться и не дать ему свой WeChat? Если бы хозяином дома случайно не оказался Чэн Цзайе, и если бы оставленная карточка не дала Чэн Цзайе понять, что его новый жилец — это он, случилось бы у них вообще что-нибудь?

Подумав об этом, Цзян Шоуянь опустил глаза. Но не успел он погрузиться в мысли, как снаружи раздался автомобильный гудок. Место было уединённое, машины обычно мимо не проезжали. Он через зеркало посмотрел на Чэн Цзайе. Тот выпрямился и сказал:

— Должно быть, привезли то, что я заказывал.

Деревянный дом находился далеко от города. Продукты им доставляли специальные курьеры, но обычно просто оставляли пакеты у двери. Цзян Шоуянь пошёл следом:

— Что ты купил?

Открыв дверь, они увидели работника доставки, который спускался на электроскутере по длинной доске, перекинутой через ступени. Чэн Цзайе пояснил:

— Рядом есть тропинка, по ней удобно спускаться к морю, но на внедорожнике там не проехать.

Цзян Шоуянь увидел, как курьер припарковал скутер и снял с багажника небольшую коробку. Чэн Цзайе вывел Цзян Шоуяня во двор. В коробке оказались костюмы для сёрфинга — вроде того, который был на Чэн Цзайе в день их первой встречи. Чэн Цзайе достал тот, что поменьше, и приложил к Цзян Шоуяню:

— Размер выбирал по росту, должен подойти.

Цзян Шоуянь всё ещё не понимал, к чему это. Чэн Цзайе выудил второй костюм, побольше, и, повернув голову, сказал:

— Погода сегодня отличная. После завтрака пойдём сёрфить.

Сёрфинг — спорт, в который легко войти, но сложно достичь мастерства. Чэн Цзайе через приложение нашёл место с подходящими волнами, арендовал в клубе лонгборд и, ступая по белому песку, подошёл к Цзян Шоуяню. Тот удивился, что доска только одна:

— Разве ты не будешь кататься?

Чэн Цзайе поправил солнечные очки и сказал:

— Сегодня я твой личный тренер, буду учить только тебя.

У него были светлые глаза, которые боялись света больше, чем глаза Цзян Шоуяня: без очков он едва мог их открыть на солнце. Чэн Цзайе положил лонгборд на песок и достал из висящего на шее водонепроницаемого чехла цветной солнцезащитный крем.

Хотя солнце на Сан-Мигеле не было палящим, кожа Цзян Шоуяня была чувствительной и легко краснела. Цзян Шоуянь посмотрел на тюбики разного цвета и услышал вопрос Чэн Цзайе:

— Выберешь какой-то один цвет? Или всего понемногу?

Цзян Шоуянь обвёл взглядом пляж. Неподалёку инструктор клуба обучал небольшую группу основам сёрфинга, по дорожке к морю шли люди с досками. У некоторых из них на лицах был такой же цветной крем, но нанесён он был всего парой полосок на щеках, больше для красоты. Цзян Шоуянь посмотрел на красную, синюю и фиолетовую пасту перед собой, представил, как это будет выглядеть, если намазать все лицо, и нахмурился:

— А прозрачного нет?

Чэн Цзайе покачал головой и объяснил:

— В прозрачном есть химические добавки, которые разрушают коралловые рифы. А этот хоть и цветной, зато полностью натуральный.

Цзян Шоуянь поднял глаза:

— А ты будешь мазаться?

Чэн Цзайе улыбнулся:

— Я не боюсь солнца.

Цзян Шоуянь:

— Я тоже не боюсь.

— Тогда давай нанесём немного на самые чувствительные участки, — Чэн Цзайе открутил крышку синего стика. — Не на всё лицо, только вокруг глаз.

Когда Чэн Цзайе закончил его мазать, Цзян Шоуянь решил ответить любезностью на любезность: взял красный стик и нарисовал три полоски на щеке Чэн Цзайе. Затем цокнул языком: внешность это ничуть не испортило, наоборот, придало ему более дикий шарм.

Размявшись на песке, Чэн Цзайе присел, чтобы пристегнуть к ноге Цзян Шоуяня лиш — страховочный шнур, гарантирующий, что сёрфер не потеряет доску в воде.

— Помнишь теорию, которой я тебя учил? Или повторим?

В те дождливые дни, когда нельзя было выйти из дома, Чэн Цзайе на коврике для йоги показывал Цзян Шоуяню, как вставать на доску, и заставлял тренироваться вместе с ним. В сёрфинге для новичков всё просто: смог встать на доску в волне — считай, успех.

— Помню, — ответил Цзян Шоуянь.

Океан был очень похож на тот, что в Кашкайше. Чуть дальше, на рифах, в более беспокойной воде, рыбаки удили с лодок. Чэн Цзайе, придерживая доску для Цзян Шоуяня, зашёл в прохладную воду по пояс.

Здесь прибойная тяга была сильнее. Цзян Шоуянь впервые зашёл так глубоко и, в отличие от твёрдо стоящего Чэн Цзайе, когда набегала волна, пошатывался и кренился вперёд. Чэн Цзайе вовремя подхватил его под руку:

— Опирайся на меня, я надёжный.

Ладонь Цзян Шоуяня легла прямо ему на грудь. Мокрый облегающий костюм для сёрфинга подчёркивал каждый изгиб его грудных мышц и пресса. Температура тела Чэн Цзайе была выше обычной, даже на ощупь он казался горячим. Цзян Шоуянь слегка сжал пальцы, чтобы усилить приятное ощущение. Чэн Цзайе, воспользовавшись моментом, взял его руку и провёл ею по своему прессу, хвастаясь, словно павлин, развернувший хвост. Цзян Шоуянь поднял на него глаза:

— Тренер со всеми учениками ведёт себя так фривольно?

— Час работы тренера стоит дорого, обычно никто не может себе это позволить, — ответил Чэн Цзайе.

— Я тоже не могу.

Чэн Цзайе наклонился и поцеловал его:

— Ты такой красивый, что тренер готов приплатить сам.

Накатила очередная волна. Чэн Цзайе похлопал по доске перед собой:

— Я помогу тебе забраться.

Цзян Шоуянь, опираясь на руку Чэн Цзайе, лёг на доску. На лонгборде было проще держать равновесие. Чэн Цзайе оглянулся на волну и предупредил:

— Идёт.

Цзян Шоуянь символически сделал пару гребков. На самом деле он не умел выбирать волны и не знал, когда нужно вставать. Зато у него был опытный тренер.

— Давай, сейчас!

Доска Цзян Шоуяня получила толчок вперёд, и он отчётливо почувствовал, что поймал ритм волны и несётся вместе с ней.

— Вставай, Цзян Шоуянь!

Цзян Шоуянь быстро отжался от доски, подтянул ногу и встал — чётко, уверенно удерживая корпус. Он ещё плохо управлял доской, поэтому двигался немного скованно. Всё, что он мог, — удерживать центр тяжести и нестись вместе с волной к берегу, где, замедлившись, сел и подобрал доску.

Чэн Цзайе, следовавший за ним, сел рядом и похвалил:

— Молодец, встал с первого раза! Как ощущения?

Цзян Шоуянь не мог подобрать слов. Ему казалось, что пустота внутри него понемногу заполняется чем-то важным. Он повернул голову и сказал:

— Ощущение, что хочу ещё раз.

Чэн Цзайе рассмеялся:

— Погнали.

В следующие два часа с помощью Чэн Цзайе Цзян Шоуянь вставал на доску десятки раз, но, когда пытался сделать это самостоятельно, постоянно упускал момент. Сёрфинг сам по себе сложный спорт: волны меняются непредсказуемо, всё зависит от опыта и интуиции. Цзян Шоуянь налегался на доске так, что у него разболелись рёбра, и снова с надеждой оглянулся на Чэн Цзайе. В конце концов, они здесь ради удовольствия и впечатлений. Чэн Цзайе безгранично баловал своего единственного ученика.

Ближе к полудню солнце стало припекать сильнее. Пальцы Цзян Шоуяня сморщились от долгого пребывания в воде, а выйдя на берег, он пару раз чихнул. Чэн Цзайе помог ему отстегнуть лиш от ноги и сказал:

— Сначала в клуб — в душ и переодеться, а потом пойдём поедим.

Подняв голову, он заметил синяк на подбородке Цзян Шоуяня. Потерять равновесие и получить удар доской при падении в воду — обычное дело в сёрфинге. Чэн Цзайе встал, провёл большим пальцем по его подбородку и спросил:

— Больно?

Пока он не спросил, всё было нормально, но стоило заговорить об этом, как Цзян Шоуянь почувствовал боль. Он кивнул:

— Немного.

— Удар не сильный, вернёмся — помажем лекарством.

— Тот тубик, что я тебе давал в прошлый раз, ты не взял с собой?

Цзян Шоуянь покачал головой.

— Тогда после еды зайдём в супермаркет, там продаётся, — сказал Чэн Цзайе.

Они приняли душ в клубе, переоделись, убрали мокрые гидрокостюмы в большой водонепроницаемый мешок и сунули его в рюкзак. Чэн Цзайе закинул рюкзак на одно плечо, а другую руку протянул Цзян Шоюаню:

— Идём.

Цзян Шоюань переплёл свои пальцы с его, и они вместе вышли на улицу. Рядом с клубом был дайвинг-центр. Чэн Цзайе протянул руку и взял рекламный буклет из корзины у входа. Цзян Шоюань мельком взглянул на него, но ничего не сказал. Чэн Цзайе сложил листовку вдвое и сунул в боковой карман рюкзака.

Они ушли с пляжа довольно рано, в окрестных ресторанчиках было ещё довольно малоллюдно. Цзян Шоюань выбрал заведение, которое славилось как самое аутентичное место с португальским рисом с морепродуктами, — хотел проверить, чем он отличается от того, что готовил Чэн Цзайе. И обнаружил, что у Чэн Цзайе получается вкуснее. Потом с опозданием осознал, что вся еда, которую готовил Чэн Цзайе, идеально подходила ему по вкусу, и озвучил это в середине обеда.

— У тебя в WeChat есть фото с новогодним ужином, — ответил Чэн Цзайе.

Ложка в руке Цзян Шоюаня замерла. Он вспомнил то фото. Кажется, оно было сделано в прошлом году. Они праздновали Новый год вдвоём, но бабушка всё равно приготовила целый стол еды — все любимые блюда Цзян Шоюаня.

— Я подумал: раз это Новый год, значит, на столе то, что ты любишь. Попробовал приготовить несколько позиций — и постепенно разобрался, что к чему.

Цзян Шоюань на мгновение лишился дара речи — и от его внимательности, и от его терпения. Чэн Цзайе же не видел здесь ничего особенного. Он считал это базовыми действиями при ухаживании: нужно же показать свои достоинства. Но он боялся, что Цзян Шоюань почувствует

себя обязанным, поэтому добавил:

— Тронут? Тогда угости меня мороженым. Вон в том ларьке за углом. Там только что покупали дети, мне было неловко идти одному.

Цзян Шоуянь, конечно, понял, что это лишь предлог. Он посмотрел в глаза Чэн Цзайе и, подыгрывая ему, кивнул:

— Угу.

Магазинчик мороженого на углу был оформлен в розовых тонах и на солнце напоминал сказочный замок принцессы, специально чтобы привлекать детей. За кассой стояла очень красивая португальская девушка со смуглой кожей и яркой улыбкой. Она спросила по-английски, что они будут заказывать.

Цзян Шоуянь ответил на португальском:

— (Что порекомендуете?)

Видимо, не ожидая услышать столь правильный португальский, девушка метнула быстрый взгляд на Чэн Цзайе, а затем снова посмотрела на кассу.

— (У нас лучше всего берут ананасовое и манговое мороженое, можете попробовать их.)

Цзян Шоуянь толкнул Чэн Цзайе локтем:

— Какой вкус будешь?

— Давай ананасовое, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь заказал два ананасовых мороженных, и они пошли дальше по улице, уплетая их на ходу. Солнце после обеда светило уютно, погружая в ленивую негу. Цзян Шоуянь на мгновение прищурился — и ложечка выпала из его пальцев. Мороженого оставалось ещё больше половины. Чэн Цзайе остановил его руку, потянувшуюся было поднять ложку:

— Я сбегая возьму новую.

Ожидая Чэн Цзайе, Цзян Шоуянь прислонился к стене. То ли сказалась усталость после утреннего сёрфинга, то ли после еды потянуло в сон, но в итоге он просто присел на корточки. Достав телефон, он открыл свою ленту в WeChat. Там не было ничего существенного: за последние годы в основном посты по работе, репосты рекламы компании или поздравления с юбилеями. Теперь, когда он уволился, хранить это не имело смысла. Ему не хотелось, чтобы Чэн Цзайе увидел эти скучные вещи. Он начал удалять записи одну за другой и в процессе наткнулся на то самое фото новогоднего ужина. Палец на мгновение замер, но затем он продолжил листать и удалять, пока не дошёл до поста с выпускным фото из университета.

Цзян Шоуянь давно не просматривал свою ленту. Он не любил фотографироваться, старых снимков сохранилось мало, и сейчас, глядя на них, он чувствовал себя немного потерянным. Прошло так много времени, что он почти не узнавал человека на экране.

Он вышел из режима просмотра, удалил последние несколько объявлений о репетиторстве, которые публиковал в студенческие годы, а затем потянул экран вниз, чтобы обновить ленту. Лента в WeChat мгновенно опустела, промежутки между годами сократились. «Слишком пусто», — подумал Цзян Шоуянь. Он поднял наполовину съеденное мороженое и сделал случайный кадр. Выбирая снимок, он неизбежно наткнулся на фото заката в своей галерее. Цзян Шоуянь медленно моргнул, вспомнив фоновую картинку в профиле Чэн Цзайе. Опубликовав этот ничего не значащий снимок с мороженым, он впервые за долгое время сменил обложку профиля.

В этот момент перед его лицом появилась ложечка. Цзян Шоуянь машинально погасил экран и, подняв голову, встретился с взглядом Чэн Цзайе, который как раз перевёл на него взгляд.

— Еще рано, не хочешь прогуляться в парке? — предложил Чэн Цзайе. Цзян Шоуянь взял ложечку и кивнул.

Он не знал, в какой момент Чэн Цзайе это заметил. Он просто лежал на траве в парке, греясь на солнце, а Чэн Цзайе сидел рядом, скрестив ноги, и долго смотрел в свой телефон. Экран бликовал на солнце, и Цзян Шоуянь не видел, что там. Минуты через две Чэн Цзайе вдруг повернулся, позвал его по имени, а затем наклонился и поцеловал его.

— Что такое? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе потёрся лицом о его шею:

— Ничего.

Цзян Шоуянь улыбнулся, поднял руку и погладил его по волосам.

<http://bllate.org/book/14908/1576632>